

УДК 94(470)»16/18»

В статье анализируются оценки экономического положения Русской православной церкви в конце XVIII – начале XX в. в отечественной и зарубежной историографии. Отмечается, что только советские историки однозначно негативно относились к церковной экономике. Среди зарубежных, отечественных дореволюционных и современных исследователей имеются как защитники, так и критики церковного хозяйства. В настоящее время и в перспективе актуальны региональные исследования, вовлекающие в научный оборот документы из областных архивов.

Ключевые слова: историография; Русская православная церковь; экономика; церковные имущества.

The article considers the investigation of the economic position of the Russian Orthodox Church by Russian and foreign historians. Just by Soviet historians unequivocally negatively assessed the Church economy. Foreign and Russian pre-revolutionary and modern historians protected and criticized Church properties. Nowadays regional studies are very promising, as they include documents of local archives.

Key words: historiography; Russian Orthodox Church; economy; Church properties.

О. Д. Дашковская

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: dashod@mail.ru*

Изучение экономического положения Русской православной церкви в конце XVIII – начале XX в.: история, современность и перспективы

Научная статья

O. D. Dashkovskaya

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
E-mail: dashod@mail.ru*

The Study of the Economic Position of the Russian Orthodox Church in the Late 18th – Early 20th Century: History, Modernity and Perspectives

Scientific article

После петровских реформ и секуляризации 1764 г. Русская православная церковь (далее – РПЦ) утратила свое политическое и экономическое могущество. Она была вынуждена приспособиться к новым экономическим отношениям в процессе возвращения утраченного имущества и приобретения нового. Так, духовенство Ярославской епархии к началу XX столетия вернуло половину земельных владений, конфискованных в ходе реформы 1764 г. Церковь активно включалась в капиталистические отношения: к началу XX в. 12–15 % совокупной прибыли церковью и монастырями составляли проценты с капиталов в кредитных учреждениях. В монастырях большую роль играли доходы от сдачи в аренду помещений. В то же время в своих отчетах приходское духовенство и некоторые монастыри жаловались на тяжелое финансовое положение.

Вопрос о «богатствах» церкви вызывал споры у дореволюционных и современных историков. В данной статье проводится анализ историографических подходов к экономике РПЦ, выяснение современного состояния проблемы и перспектив ее дальнейшего изучения.

Обычно отечественными авторами выделяется три этапа в исследовании церковной экономики: дореволюционный, советский и современный. Первые специальные исторические сочинения по данной проблеме стали издаваться лишь во второй половине XIX в., чему способствовали частичная ликвидация цензурных ограничений и публикация финансовых отчетов церковью и отдельных монастырей. Одной из задач реформ Александра II являлось улучшение материального обеспечения приходского духовенства, потребовавшее изучения экономики РПЦ

© Дашковская О. Д., 2016

в ретроспективе. До революции, когда церковь являлась мощной экономической организацией, публиковались работы, как критикующие материальные богатства духовных учреждений, так и защищающие их.

Примером весьма негативного отношения к монастырскому хозяйству служит «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей» бывшего профессора Петербургской Духовной академии Д. И. Ростислава. Ему удалось изучить отчеты 200 российских монастырей за 1870–1874 гг. и выявить сложности в исследовании монастырской экономики: отсутствие строгой отчетности у обитателей, смешение различных статей дохода и т. д. В работе приводятся сведения о громадных прибылях монастырей и их насельников и бедности приходских священнослужителей: «доходы монашествующей братии Ярославской епархии составляли более 3/7 церковных доходов» [1, с. 287]. Другим критикующим церковную экономику исследованием является монография В. Кильчевского «Богатства и доходы духовенства». Автор недоверчиво относится к церковной отчетности, утверждая, что приводимые в ней сведения о доходах Русской церкви весьма занижены, а церковную благотворительность оценивает следующим образом: «О том, чтобы в наше время из церковных денег оказывалась прямая помощь бедным – совершенно не слышно» [2, с. 27].

В ответ на подобные заявления Церковь и ее сторонники были вынуждены защищаться, создавая свои сочинения, по большей части публицистические и апеллирующие к Священному Писанию. Несмотря на слабую источниковую базу, работы Валаамского иеромонаха Пимена и других авторов справедливо указывают на одну из причин материальной обеспеченности обитателей: «Религиозное чувство, присущее правительственным лицам и движущее каждым православным человеком да сознание немалого значения монастырей, являются тому виною» [3, с. 14]. Кроме того, в книге «Белое духовенство и его интересы» Елагин приводит факты о взяточничестве Ростислава и его хищениях на посту эконома Петербургской духовной академии: «Обер-прокурор граф Протасов в 1831 г. пришел в университетскую столовую и спросил у Ростислава, что кушают студенты. Он ответил: «Суп с рыбой». Тогда Протасов взял ложку и поболтал

в супе одного студента и, не увидев рыбы, позвал Ростислава: «Эконом, поди сюда, ищи рыбу». Д. И. Ростиславов подбежал к столу, взял ложку, поворочал ей в миске и, умильно глядя на графа своими серенькими, вечно бегавшими глазами, доложил, что рыбы не положено. Тогда граф обозвал Ростислава негодяем» [4, с. 31–32].

После Октябрьского переворота экономика РПЦ изучалась как в России (в СССР), так и за рубежом. Советские авторы стремились показать нерациональность и бесперспективность церковного и монастырского хозяйства, уничтоженного большевиками. Так, Н. М. Никольский в капитальном труде «История Русской Церкви», посвященном дореволюционному православию, старообрядчеству и сектантству, отмечал: «Критическое положение церкви обнаруживается, прежде всего, в ее экономической базе. Главным источником существования всех церковных учреждений были казенные кредиты и доходы от чисто религиозных операций, т. е. от эксплуатации верующих» [5, с. 404–405.]. Таким образом, автор умело использовал тезис, выдвинутый еще в XIX в. защитниками церковного хозяйства, для доказательства порочности экономики РПЦ.

Политически аганжированной является и работа Е. Ф. Грекулова «Русская церковь в роли помещика и капиталиста» (1934). В ней приводятся данные об экономическом и политическом положении православной церкви в дореволюционной России, ее тесной связи с царским правительством. Особо подчеркивается участие церкви «в подавлении освободительной борьбы и революционного движения», ее ростовщическая деятельность и эксплуатация крестьянского труда в монастырях [6].

Работы Н. М. Никольского и Е. Ф. Грекулова стали идеологической основой и примером для всех дальнейших исследований по истории Русской Церкви, число которых не столь значительно. Со второй половины 1930-х и до середины 1960-х гг. они практически были свернуты, а в более поздних работах прослеживается полная экономическая и политическая зависимость Церкви от государства. Книга «Русское православие: вехи истории» (1989) является последней попыткой собственно марксистского исследования истории Церкви, хотя ее авторы и «стремились очистить историческую действительность от искажений, поверхностных суждений и нарочито

обличительной тональности» [7]. Несмотря на то что в книге содержится ценный фактический материал о церковной экономике (очерк Я. Е. Водарского о землевладении Церкви и ее хозяйственной деятельности), оценочные суждения весьма незначительно отличаются от предыдущих исторических сочинений.

Значительный вклад в изучение хозяйства Церкви внесли представители русского зарубежья. И. К. Смолич, покинувший родину с остатками разбитой армии барона Врангеля и проживший большую часть своей жизни в Берлине, является автором фундаментальной работы «История Русской Церкви. 1700–1917 гг.». Хотя историк на основе отчетов обер-прокурора приводит сведения о колоссальных доходах Церкви, отчетливо прослеживается его сочувствие бедности сельских причтов и их зависимости от прихожан. В главе, посвященной материальному обеспечению духовенства, он отмечает, что необходимость прихожан платить за требы (обряды) приводила к тому, что «простолюдин очень редко видел в своем священнике духовного пастыря, руководителя своей религиозной жизни» [8, с. 358].

Среди зарубежных историков не прослеживается однозначного подхода к церковному хозяйству. Так, американские исследователи Джон Кэртис и Грегори Фриз занимают диаметрально противоположные друг другу позиции. Работа Кэртиса «Церковь и государство в России. 1900–1917» (1940) продолжает критическую линию Ростиславова и Кильчевского. Вычисляя общие церковные и монастырские доходы, автор считает, что любая ошибка в полученных результатах скорее является преуменьшением, чем преувеличением прибыли духовенства [9, р. 87, 130].

Труд американского исследователя Грегори Фриза «Приходское духовенство в России в XIX в.» (1983) выполнен на солидной источниковой базе: автор работал не только в центральных, но и региональных архивах России. Рассматривая положение белого духовенства в XIX столетии, он высказывает иные оценочные суждения, чем Кэртис, отмечает недостаточное материальное обеспечение священнослужителей. Среди главных предпосылок сложившейся ситуации Фриз выделяет отсталость российской экономики, крепостнические пережитки и бедность самих прихожан. Церковные реформы, проводимые правительством Николая I и Александра II,

также не достигли желаемых результатов. Наиболее очевидной причиной крушения николаевских преобразований историк считает масштабность проблемы: «учитывая численность духовенства и недостаток государственных ресурсов, центральные власти смогли лишь обеспечить крошечные субсидии для избранных областей». Реформы же Александра II потерпели поражение из-за кризиса в отношениях белого духовенства с паствой. Поэтому в конце XIX в., подобно священнику в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?», клирик любого российского региона мог утверждать, что «наша дорожка трудная» [10, р. 97, 101].

Итак, в дореволюционной, советской и зарубежной историографии экономическое положение РПЦ в конце XVIII – начале XX вв. оценивается крайне неоднозначно. Еще более противоречивы современные подходы к данной проблеме, представленные тремя направлениями. Первое, весьма немногочисленное, сформировавшееся в результате деятельности российских экономистов М. Эдельштейна и Н. Митрохина, критикует церковную экономику современной России, пытаясь изучить ее «теневую составляющую» [11].

Большинство отечественных историков составляют второе направление сторонников компромисса: не отрицая церковные богатства совсем, они указывают на их значительное преувеличение в дореволюционной историографии. Так, петербургский исследователь С. Л. Фирсов отмечает, что именно «материальная зависимость от паствы создавала для клириков ложное положение, когда представление о церкви как «лавочке для духовенства» получало развитие в простонародной массе» [12, с. 33]. Профессор Ростовского университета С. В. Римский считает, что после секуляризации и вплоть до начала XX в. государство «продолжало обирать церковь, установив невыгодные для нее правила распоряжения финансовыми средствами, поступавшими от прихожан». Оно использовало для пополнения постоянно нуждавшейся казны «живые» деньги Церкви, а позволяло ей тратить только около 4 % имеющихся средств [13, с. 562].

Любопытные выводы о церковной и монастырской экономике представлены в брошюре Е. С. Элбакян и С. В. Медведко «Хозяйственно-экономическая деятельность Русской Православной

Церкви». В ней на основе большого фактического материала анализируется хозяйственная и предпринимательская деятельность русских монастырей в советское время и на современном этапе. Фрагмент о Синодальном периоде во многом повторяет работы В. Кильчевского и Д. Ростиславова. В то же время авторы считают, что борьба с религиозной идеологией, развернувшаяся после 1917 г. в советском обществе, «не позволила понять и оценить глубокий потенциал хозяйственно-экономической деятельности религиозных организаций» [14, с. 72–73]. Они позитивно оценивают возвращение монастырям отобранного при советской власти имущества, «восстановление их хозяйственной деятельности и отношения к земле-кормилице» и призывают при решении задач социального и духовного развития России не игнорировать связь, которая с древнейших времен существует между религией и экономической деятельностью человека.

На современном этапе и в православной среде складывается определенная концепция церковной экономики. Московская патриархия признает, что коммерческая деятельность Церкви в любой период времени необходима для обеспечения ее финансовой независимости. Но патриарх Алексей II при встречах с духовенством постоянно подчеркивал: «В храмах не должно быть слов «цена», «стоимость», «плата». Лучше говорить – жертва на такую-то молитву» [15, с. 8].

В результате исследования церковного хозяйства историками различных поколений, сменившихся за последние 150 лет, оформился основной принцип дальнейшего изучения данного вопроса: необходимость признания РПЦ в конце XVIII – начале XX вв. неотъемлемым субъектом российской экономики. Актуальность этой проблемы является предпосылкой для исследования церковной экономики не только в общероссийском, но и региональном масштабе (на примере отдельной епархии, монастыря и приходской церкви). Хозяйственные документы РПЦ в областных архивах, по большей части еще не вовлеченные в научный оборот, позволяют проводить подобные изыскания. Именно региональные исследования дают возможность наиболее объективно

оценить экономику РПЦ как в ретроспективе, так и на современном этапе.

Ссылки

1. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб.: Тип. морского министерства, 1876. 397 с.
2. Кильчевский В. Богатства и доходы духовенства. М.: Работник, 1908. 46 с.
3. Пимен, иеромонах. В защиту монашества. Опыт ответа на книгу «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей». СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 75 с.
4. Белое духовенство и его «интересы» / сост. под ред. Н. В. Елагина. СПб.: Тип. Р. Голике, 1881. 181 с.
5. Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1983. 448 с.
6. Грекулов Е. Ф. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М.: Наука, 1934. 215 с.
7. Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. 720 с.
8. Смолич И. К. История Русской Церкви, 1700–1917 г. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 799 с.
9. Curtiss J. S. Church and state in Russia. The last years of the Empire, 1900–1917. N. Y.: Columbia University Press, 1940. 287 p.
10. Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Princeton: Princeton University Press, 1983. 394 p.
11. Митрохин Н. Русская православная церковь как субъект экономической деятельности // Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 54–70.
12. Фирсов С. Л. Российская Церковь накануне перемен. М.: Духовная библиотека, 2002. 623 с.
13. Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 567 с.
14. Элбакян Е. С., Медведко С. В. Хозяйственно-экономическая деятельность Русской Православной Церкви. М.: Книжный дом «Университет», 2001. 96 с.
15. Кураев А. Откуда у церкви деньги. Краснодар: Троицкое слово, 1996. 16 с.